

Отзыв официального оппонента

доктора философских наук, профессора А.А.Грякалова на диссертацию Тульпе Ирины Александровны «Религия и искусство в системе культуры», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 — философия религии, религиоведение

Актуальность диссертационного исследования И.А.Тульпе объясняется необходимостью анализа отношений религии и искусства в социокультурном пространстве, что предполагает особое внимание к диалогу традиционных и современных смыслов основополагающих феноменов культуры. Особенно актуальность темы диссертации возрастает в связи с констатацией кризиса религии и искусства, что предстает сегодня как общезначимое, хотя далеко не всегда вполне обосновываемое положение. Именно на этом фоне совершенно оправданно автор диссертации типологически определяет имеющиеся исследования, сводя их к нескольким обобщающим тезисам, где фиксируется или единство и взаимообращенность искусства и религии, или признание автономности, что в то же время предполагает взаимодействие, или подчеркивание негативности отношений, умаляющих значимость каждого из феноменов.

Учитывая особенности отношений религии и искусства в истории и соответствующие рефлексивные конструкции проблемы, И.А.Тульпе в диссертации реализует междисциплинарный подход, который исходит из признания генетической и прагматической множественности отношений религии и искусства. Такой взгляд дает возможность выйти за пределы «точечных» описаний и интерпретаций взаимоотношений искусства и религии, соответственно полагая в центр внимания константные представления в их разнообразном наполнении историческим содержанием. Эту интенцию автор диссертации успешно реализует, обращаясь к системному пониманию культуры, в контекстах которой возникают и действуют феномены религии и искусства. В центре внимания соотнесение искусства и религии с третьей инстанцией – культурой, анализ искусства и религии как подсистем в системе культуры. В конечном счете речь идет о пребывании человека в сферах искусства и религии в конкретике определенного типа культуры.

Гипотеза диссертации конструктивно исходит из положения о понимании культуры как внебиологической адаптации человека к окружающему миру, когда культура рассматривается как метасистема, где в качестве элементов (наряду с прочими) функционируют подсистемы религии и искусства. Оба исследуемых элемента, подчеркнуто в исследовании, являясь подсистемами метасистемы культуры, обладают сложноустроенным составом и, в свою очередь, выступают как системы входящих в них элементов (мировоззренческих, деятельностных, организационных и др.). Религия и искусство при таком подходе предстают как способы специфической адаптации человека к окружающему миру, способствуя каждый особым образом формированию *новационной культуры*. Введение автором диссертации этого термина способствует пониманию культуры в ее открытости и незавершенности, способствуя в то же время принципиальному различению *новационной* и *традиционной* архитектоники культуры: для традиционной типа культуры характерно мифоритуальное сознание и поведение. Заслуживает поддержки идея, проводимая в диссертации, что религия и искусство возникают именно при переходе культуры к новационному состоянию, где возникают первичные феномены религии и искусства в их автономной данности. Особо следует отметить в положительном плане, что мифоритуальная компонента культуры понята в диссертации как активная энергема культурного творчества. Важным для всего диссертационного исследования является положение гипотезы о сохранении

внеаходимости искусства и религии относительно друг друга при постоянном активном взаимодействии в формировании сознания и самосознания новационной культуры.

Объект и предмет исследования определены конструктивно и находятся в центре исследования на всем его протяжении.

Обозначив в качестве *цели* исследования анализ оснований религии и искусства, автор диссертации последовательно решает *задачи* диссертации: критически рассмотрена корректность положения о совпадении появления религии и искусства вместе с человеком; реконструированы механизмы когнитивной практики архаического сознания в соотнесенности с мифоритуальной моделью мира; обоснованы различия изобразительной деятельности в системах мифоритуальной и новационной культур; выявлена значимость элемента религии в системе новационной культуры; определены принципиальные позиции отношений религии и культуры в культовом, религиозном и светском искусстве. Обобщающим моментом выступила успешная проверка эффективности применения системного подхода на примере монотеизма как подсистемы религии в его отношении к культовым изображениям и искусству.

В трех *главах* диссертации последовательно развернута логика исследования: рассмотренные в *первой* главе архаическое сознание и культура проблемно сопоставлены с искусством и религией новационной культуры и новационным сознанием во *второй* главе, а *третья* глава целостно представляет диалог первых двух глав посредством рассмотрения искусства в системах монотеизма. Все главы завершаются убедительными обобщающими выводами, в которых подведены итоги рассмотрения проблемных позиций. В *заключении* диссертации представлены корректно и точно сформулированные основные положения исследования.

В соответствии со сложносоставным материалом в диссертации применен *системный подход* в ракурсе религиоведения в единстве с конкретно-историческим, историко-культурным, культурно-антропологическим подходами, что дает возможность целостного рассмотрения отношений религии и искусства в культуре. Стоит отметить продуктивность примененной методологии, что способствует построению объективной картины отношений религии и искусства. Системный подход в диссертации конструктивно соотнесен с рассмотрением компонентов религии и искусства, преобладающих в конкретных исторических картинах культуры. В диссертации это достигнуто благодаря структурному и функциональному анализу элементного состава религии, что дает возможность осуществлять археологию сознания — устанавливать связи между смысловыми и прагматическими элементами отношений религии и искусства. В этом аспекте их продуктивному анализу способствуют обращения к археологическому материалу, где доказательно приведены материально-знаковые данности воплощения мировоззрений, что способствует пониманию инвариантных и вариативных корреляций между религией и искусством. Это же, следует добавить, позволяет минимизировать мировоззренческий субъективизм в отношении религии и искусства, что придает высокую степень объективности диссертационного исследования.

Основные научные результаты и новизна диссертационного исследования состоят в последовательном применении системного подхода в его антропологических проекциях к пониманию религии и искусства; религия и искусство целостно рассмотрены в контексте целей инновационной культуры; посредством исследования репертуара погребального и поминального инвентаря реконструированы механизм мифоритуального мышления и созданная им модель мира в ее вертикальной и горизонтальной проекциях. Обращаясь к алгоритму осуществления познавательных практик в традиционном типе культуры, автор диссертации обосновывает, что человек, по принципу космизации его природности, изоморфен и изофункционален вещи, поэтому его сущность заключается не в субъективности, а в исполнении роли эффективного «инструмента» мироупорядочения.

В диссертации дано философское обоснование специфической роли религии для процесса становления я-индивида в системе новационной культуры — религия

доказательно рассмотрена как самый доступный и универсальный путь к самоосознанию человеком основных ценностей и смыслов существования. Принципиально значимым системообразующим элементом подсистемы новационной культуры определена модель мира, которая характеризуется онтологическим противопоставлением естественной и сверхъестественной сфер бытия.

Рассматривая соотношение искусства и монотеизма, автор диссертации успешно доказывает, что изображения входят в структуру культа, как один из способов воздействия на содержание онтологического противоположения естественной и сверхъестественной сфер. Культовые изображения, отсутствовавшие в раннем христианстве, распространяется со становлением и утверждением социальной значимости института церкви. Изобразительные представления христианства наследуют античную мифоритуальную традицию и функционально связаны с элементами вероучения (христологической, сотериологической и экклезиологической тематикой), с религиозными институтами и конкретной в западном и восточном христианстве религиозной моделью мира — художники вырабатывали изобразительные средства воздействия на зрителя.

Последовательно рассматривая отношений религии и искусства в культурной истории, автор диссертации показывает, что искусство, как целостная система, не входит в систему религии, то и другое соприсутствуют в качестве подсистем в новационной культуре. Искусство и религия, обосновано в диссертации, событийствуют по принципу дополнительности, сближаясь в принципиально значимом для обеих форм культуры интересе к сакральным сюжетам, смыслам и образам. Родство искусства и религии состоит в стремлении реализовать общую цель — формирование индивида как культурного существа в единстве с базовой потребностью свободной самореализации.

Положения, выносимые на защиту, комплексно представляют проблемные позиции диссертации и их конструктивное рассмотрение в исследовании. Решение вопросов соотношения религии и искусства основано на признании исходного различия традиционного (мифоритуального) и новационного типов культурных систем. Это подтверждено дальнейшим развитием логики различения с обращением к анализу систем погребально-поминальной обрядности: представление о космичности лежит в основе идей целостности и когерентном соотношении «частей» культурных систем между собой и каждой части с целым. В логике формирования новационной культуры речь идет уже о формировании нового культурного актанта, выразительно определенного в диссертации как «я-индивид». Достойно поддержки и дальнейшего исследования обоснованное в диссертации положение о том, что именно в сфере религии процесс превращения человека из мы-индивида, мифоритуальной вещи-функции в самосознающего я-индивида происходит наиболее всеохватно и последовательно.

Рассматривая присутствие изобразительного компонента в религии, диссертант делает убедительный вывод о том, что в новационной культуре именно художественная реальность во многом маркирует появление и действие я-индивида.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в возможности применения реализованного в диссертации теоретико-методологического подхода для понимания генезиса и структурной организации культуры в соотнесенности религии и искусства, а также для анализа соотношения искусства и разных направлений монотеизма и немонотеистических религий.

Основные результаты и выводы диссертации могут быть рекомендованы к использованию в актуальных проектах анализа взаимодействий религии и искусства в истории и современности, а также использованы в учебно-образовательной практике. Материалы диссертации могут быть применены при разработке и чтении учебных курсов по философии религии и религиоведению, философской антропологии, истории, культурологии. Обобщающие положения и выводы диссертации могут использоваться при системном исследовании полевого археологического материала, связанного с

данными религии и искусства. Особенную значимость диссертационному исследованию придает конструктивное сочетание эмпирического и теоретического материала. Осмысление археологического материала позволило особенно ярко увидеть специфику мифоритуальной (традиционной) культуры как антропологическую проблему в философском смысле термина.

Апробация положений диссертации представлена многочисленными проблемными публикациями автора в ведущих периодических изданиях и двух научных монографиях.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что цель диссертации достигнута, а задачи выполнены. Вынесенные на защиту положения успешно доказаны, а научная новизна подтверждается всем проведенным исследованием. Вместе с тем, в работе есть положения, которые предполагают дополнительные аргументы и разъяснения.

В диссертации проводится последовательное обоснование мысли о том, что соотношение компонентов культуры (экстрасоматическая традиция, по определению Лесли Уайта), непосредственно связано не только с действиями и поведением субъектов, но обладает системной логикой развертывания. Совершенно верно отмечено, что взаимодействия вещей и людей образуют определенные системы, которые функционируют сообразно связям, складывающимся между конкретными предметами и человеком, вещами между собой, наборами вещей с человеком (единичным и коллективным). Но ведь в реальной жизни действуют две *ипостаси* человека: в одной он «существо системы», а в другой — в той или иной степени существо творческое и неповторимое.

Именно неповторимое пребывание может оказаться радикально внесистемным с «точки зрения» системности культуры и ее отношений. Оно может быть опытом сообщества, деструктивным жестом контркультуры, коллективным или индивидуальным опытом трансгрессии. Это же можно сказать и о религии: все более нарастает персоналогическая и экзистенциальная религиозность, в которой предельно усилена тенденция «бегства от системы». Необходимо, следовательно, учесть это при определении системности, существенно корректируя ее возможности конституировать отношения религии и искусства в (пост)современной культуре. Ведь только в «движении персонализации» возникает личностный универсум, где люди совершают «отдельные броски к вершинам человечества» и любая человеческая проблема рассматривается в контексте конкретного существования личности. Тут важен и субъективный опыт *тела* как посредника в жизни духа: в какой степени такой опыт и тем более, опыт духовной жизни могут быть системно исчислены? К примеру, *личность* в понимании Эмманюэля Мунье, равно как и *соборность* выходят за пределы системной исторической определенности как движение к трансперсональному опыту и обретению смысла духовного существования.

В связи с этим следовало бы обратить внимание на необходимость новых разработок возможностей системного подхода или корректировок его сложившегося статуса. Ведь Божественное начало приближено к предельным заботам человека и выражается, к примеру, в формах актуальных теопозитических представлений. Религиозное и художественное словно бы сливаются в новом представлении, где на фоне десакрализации все-таки возможен разговор о Божественном. в подходе Джона Капуто осуществляется поэтическое обоснование и понимание Божественного. Тут действует «слабая теология», именно она способна соединять в себе целостность религии и индивидуальные события веры и мысли о религии. Формируется, можно сказать, новая религиозно-философская оптика, где на фоне десакрализации оказывается возможным актуальный «разговор» о Божественном. Но при этом Бог понимается не как Абсолют и всесильное начало мира, а как идеальное существо, подверженное опасностям и невзгодам мира.

Божественное оказывается включенным в события бытия, где происходят встречи сакральных, предметных и символических сторон жизни. Теопозитическая перспектива

философии религии дает возможность ввести и применять религиозные и гуманистические ценности в политической и культурной жизни постсовременности: теопэтика способна взаимодействовать с теополитикой, сохраняя мысль о религии в сфере философии и продолжая утверждать сакральные ценности в постсекулярном мире. Идеи «религии без религии» знаменуют о новом теологическом повороте и критику онтотеологии с позиций постфеноменологии (Жак-Люк Марион), росте интереса к диалогическим процессам в религии и актуализации соответствующей рефлексии. Необходимо, видимо, деконструкция системности не с целью ее разрушения, а с намерением прояснить природу системной целостности культуры, которая, по словам П.А.Флоренского, «висит над бездной».

Поскольку же божественное оказывается включенным в события бытия, где происходит встреча сакральных, предметных и символических сторон жизни, встает вопрос: какова природа системности, способной иметь дело с такими феноменами? Тем более обостряется вопрос об ориентациях художественного творчества, которые существуют словно бы апофатически — в опыте трагического переживания ослабления или утраты веры. Иными словами: какова системо-техника актуального «дочеловечения» в сравнении с системо-логиями новационной культуры? Следует ли иметь в виду стремление преодолеть системную онто-теологию событийной тео-поэтикой?

Принципиальное различие традиционного и новационного типов культуры должно предполагать также наличие существенных различий в самом новационном типе культуры, где отношения религии и искусства приобретают гетерогенную множественность. Тут может действовать «слабое богословие», где не выводятся смыслы религиозности из системных оснований, а поддерживается недогматичность и гибкая модальность.

Речь идет о тех позициях опыта и идеологемах философии религии, где институциональная закреплённость религии и искусства не имеет субстанциалистского понимания. Искусство в подобных случаях существует словно бы в апофатическом представлении: творчество устремлено или к недостижимому, а потому и незавершенному, или к утраченному сакральному идеалу. Тогда основанием и смыслом искусства становится именно пребывание в осознании утраченности или кризиса. Пример из поэзии — творчество Пауля Целана в ситуации поражения сакральных скреп существования, где энергия *исчезновения* становится главной в возможности создании утверждающих смыслов существования.

Есть, следует добавить, «вне-системная оппозиция», связанная с лиминальными практиками, трангрессией, опытом предела, феноменами номадизма, когда системность культуры ставится под вопрос: действует актуальная множественность процессов социализации и адаптации, где во многом децентрирована системная логика.

Далее: как иметь дело с *хаосмосом* современности там, где я-сознание существенно потеснено действием дискурсивных стратегий, внутренним опытом, экзистенциальным опытом или опытом предела? Необходимо видимо, проведение герменевтики и даже деконструкции системности для определения потоков становления культуры во взаимоотношенности становлений религии и искусства.

Здесь возможны новые пути выхода из кризиса понимания, о котором справедливо пишет автор диссертации в самом начале исследования. Речь идет о диалоге типов культур, с одной стороны, а с другой — о диалоге конфессиональной и «радикальной теологии», где выявляется контингентность отношений религии и искусства в ситуации (пост)современности.

В эпоху «богооставленности» искусство способно выступать как активно действующий «след» религии — способ утверждения, дает надежду и предлагает способы выйти за пределы ограниченности собственными волевыми усилиями, направленными на преобразование себя. Но свобода творчества оказывается под вопросом не только в силу детерминации творчества дискурсивными процессами мира («смерть автора») —

